

Грамота № 723

Найдена на Михаилоархангельском раскопе, в квадрате 104, на уровне пласта 11 (глубина 2,19 м). Автор начал письмо на внутренней стороне листа, но, написав полслова, по какой-то причине предпочел начать заново и перешел на внешнюю сторону листа. Текст на внешней стороне представляет собой целое письмо из четырех строк.

Внутренняя сторона:

+покл[а]

Внешняя сторона:

+поклананиѣѣто душилькона
стьшьльтиѣсьмькучькьвуажь
тихьтажьдатиадитиьхьтажьда
тидоуѣьдокъобруцьѣеводадаасвоевъзьму

Длина 23,7 см, ширина 3,5 см.

Надежной стратиграфической даты грамота не имеет; но она должна быть хронологически близка к грамоте № 724 (о которой см. ниже), залегавшей в нескольких метрах от нее на почти такой же глубине. Внестратиграфический анализ указывает на 40-е — 70-е гг. XII в. (с предпочтением 60-х — 70-х).

Грамота делится на слова следующим образом:

+ Покланание ѣто Душиль ко Насть. Шьль ти есьмь Кучькьву. Ажь ти хьта жьдати, ааи ти нь хьта жьдати, а оу Ѡьдокь обруць ѣе водада, а свое възьму.

Написание *ааи* вместо *али* — описка.

Душила сообщает Нясте, что он, вернув Федке ее “обруч”, свое возьмет вне зависимости от того, хотят или не хотят ждать. Под “обручем” можно понимать браслет или кольцо, но также и залог (в том числе обручальный, брачный). Обстоятельства действий Душилы невосстановимы, но грамота имеет исключительное значение в связи с сообщением ее автора о том, что он пошел *Кучькьву*, т. е. “в Кучков”, под которым может подразумеваться только населенный пункт. Между тем такой пункт хорошо известен по рассказу Ипатьевской летописи о событиях 1176 г., когда заболевшего в пути князя Михалка Юрьевича несли на носилках, *идоша съ нимь до Кучкова, рекше до Москвы* (ПСРЛ, т. 2, стб. 600). Ипатьевская летопись, сохранившая древнейшее название Москвы, известна по списку первой половины XV в. Только к XVII в. относится запись легенды об основании Москвы, повествующая о боярине Кучке. Следовательно, грамота № 723 является пока единственным свидетельством XII в., подтверждающим, что тогда наименование *Кучковь* еще не было вытеснено более поздним обозначением, производным от реки, а не от имени первоначального владельца местности.

Имя Душила не чуждо новгородской ономастике: в летописном рассказе 1218 г. фигурируют братья Матей и Иван Душиловичи, а под 1272 г. упомянут Степан Душилович (НПЛ, с. 58–59, 259, 322). В берестяной грамоте № 381 (сер. — 2 пол. XII в.) фигурирует Душила Фоминич (и, возможно, еще один Душила упомянут в грамоте XIII в. № 351). В новгородских писцовых книгах имеется деревня Душилово.

Некоторые сомнения вызывает имя *Няста*, для которого трудно дать объяснение; не исключена та или иная ошибка писавшего (например, *Насть* вместо *Насть* или *Конасть* вместо *Коснасть*, т. е. ‘к Косняте’).

Грамота № 724

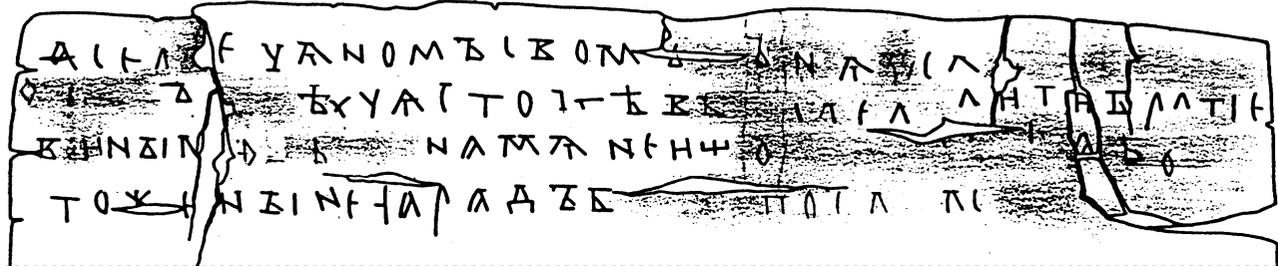
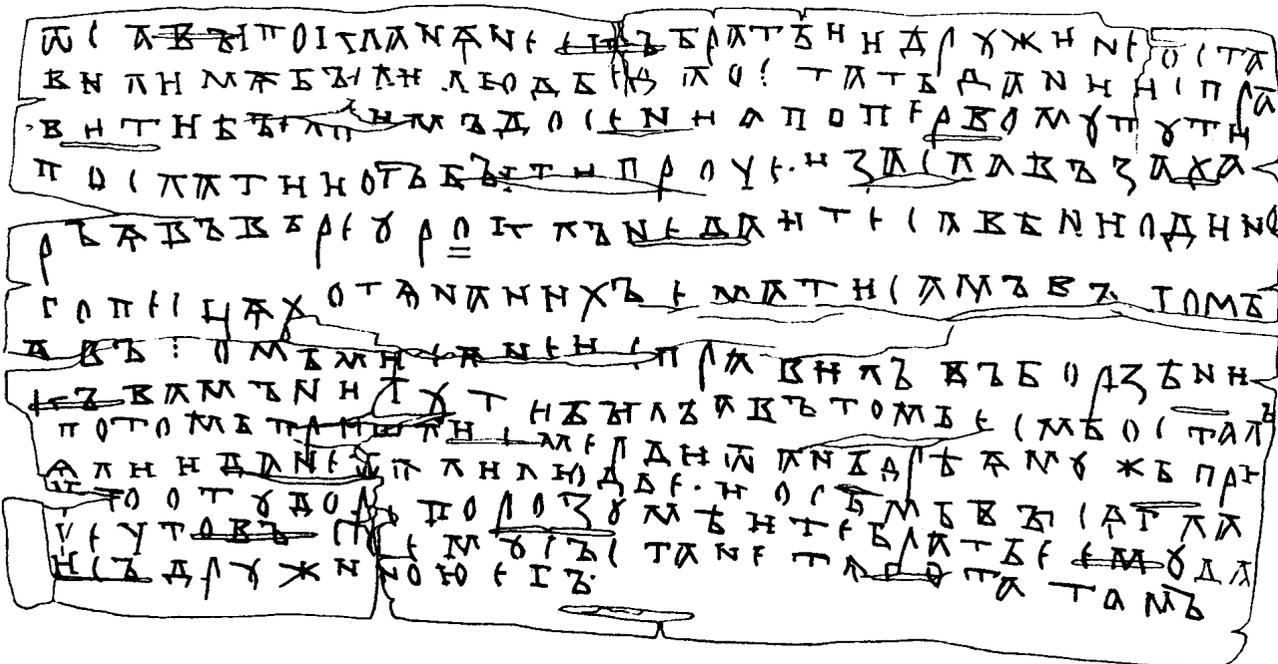
Найдена на Михаилоархангельском раскопе, в квадрате 88, на уровне пласта 12 (глубина 2,26 м). Это целое письмо, написанное на обеих сторонах берестяного листа. Текст начинается на внешней стороне коры, где он состоит из 13 строк, и продолжен на внутренней стороне, где в верхней части листа располагаются еще четыре строки.

Внешняя сторона:

Ѡсавъпоклананеекъбратъидрѣжинеоста
вилимабъилиюдѣедастатъданииспра
витибылоимъдосениапопервомъѣти
послатиотъбытипроучеизаславъзаха
ръавъв[ѣ]рѣроклънедаитесавѣниодино
гонесцахотананихъематисамъвътомъ
авъ[т]омъмисанеисправилъвъборзѣни
къвамъни[т]ѣтибылавътомъесмосталъ
потомъпришлисмердиѠаньдрѣамъжъпри
алииданеѠалилюдѣеиосъмъвсагла
чтоотъдорепорозъмѣитебратъеемъда
чеутовъ[с]е(-)емъсѣстанетаготатамъ
исъдрѣжиноуегъ.

Внутренняя сторона:

асе[а]счаномъсвомъкъ[н]аз[ь]самъотъ[в]олок[и]
отъ[м]ъс-ѣхъаствокъводалеа[ч]елитибрат[ь]е
виныл[ю]дѣенаманеиш[ъ]тъадо[вѣд]ок[а]бѣд[е]
тоженъинецарадъбъхъпослале[грам]о[т]ѣ

Прорись грамоты № 724

Внутренняя сторона берестяного листа сильно изгладилась; многие буквы читаются (часто без полной уверенности) лишь под микроскопом. На прориси буквы, ныне уже недоступные невооруженному глазу, не отражены. Соответствующие им участки берестяного листа выделены на прориси серым тоном (ранее при изготовлении прорисей этот условный прием не применялся).

В *в[ѣ]ре* (строка 5 внешней стороны) вторая буква неясна: это *ѣ* или *ь*. В *быль* (строка 8) *б* переправлено из *ь*. В строке 12 между *въ [с]е* и *емѣ* береста повреждена и неясно, была ли там еще одна буква (в принципе это могло бы быть *с*, т. е. в тексте стояло либо *емѣ*, либо *семѣ*).

Длина 16 см, ширина 8 см.

Надежной стратиграфической даты грамота не имеет. Внестратиграфический анализ указывает на 60-е—90-е гг. XII в. Истинная дата определяется из содержания документа (см. ниже): это 1161–1167 гг., вероятнее всего зима 1166/67 г.

Грамота делится на слова следующим образом:

Ѡ Савы поклананеє къ братѣи и дрѣжинє. Оставили ма были людѣе; да ость дани исправити было имѣ досени, а по первомѣ пѣти послати и отѣйти прочє. И заславъ Захарѣа въ вѣре ѡрокль: «Не даите Савѣ ни одного песка хотя на нихъ емати. Самъ въ томѣ». А въ томѣ ми са не исправилъ въ борзѣ, ни къ вамъ, ни тѣ ти былъ. А въ томѣ емѣ ость. По томѣ пришли смерди, ѡ Андрѣа мѣжъ приали, и да не ѡали людѣе. И осьмъ высагла, что о Тѣдоре. Порозѣмѣите, братѣе, емѣ, даче что въ се (-)емѣ състане тагота тамъ и съ дрѣжиною егѣ.

На обороте: **А селчаномѣ свомѣ кѣназь самъ отъ Волокѣ и отъ Мѣс(т)ѣ ѡчастокѣ водалє. Аче ли ти, братѣе, вины людѣе на ма не ищѣтъ, а довѣдока бѣде, то же нынєца радѣ быхѣ послалє грамотѣ.**

Упоминание о песцах служит указанием на местонахождение плательщиков дани, собираемой Саввой. Песцы (иначе — полярные лисицы), будучи представителями фауны Арктики и Субарктики, обитают в полярных материковых тундрах. Савва находится где-то на севере новгородских владений. Упоминание в заключительной части письма Волока заставляет вспомнить, что центральным пунктом поступления заволоцкой дани была Онега, о которой говорится в Уставной грамоте князя Святослава Ольговича, выданной новгородской епископии в 1137 г.: *Того дѣля уставилъ есмь святои Софыи, ать емлетъ пискунъ за десятину от вирь и продажъ 100 гривень новыхъ кунъ, иже выдавать домажиричъ из Онѣга. Аче не будетъ полна ста у домажирича, а осьмдесятъ выдасть, а дополнокъ възметъ 20 гривен у князя ись клѣти* (Др.-р. княж. уставы, с. 148). Логичным представляется видеть в Савве именно онежского домажирича: он не возглавляет подвижный отряд сборщиков, а пребывает в каком-то постоянном месте, куда по зимнему первопутку “люди” должны доставить собранную до осени дань, а затем отбыть прочь.

Между тем “люди” оставили Савву. Вряд ли фразу *оставили ма были людѣе* следует понимать как сообщение о бегстве от Саввы его помощников. Глагол *оставити* имеет много значений, в том числе: ‘отказаться’, ‘отступиться’, ‘отречься’, ‘отложиться’ и т. п. Возможно, речь идет об отказе местных “людей” выплатить обусловленный остаток дани, который именно местным старейшинам надлежало собрать “до осени”. Уместно напомнить “льстивые речи” угорских князьков в 1194 г.: *“сбираемъ сребро, и соболѣ, и иная узорочиа, а вы не губите нас, своих смердовъ и своєи дани”* (НПЛ, с. 40–41, 232–233). Поводом для отказа от уплаты дани послужило некое распоряжение Захарии, который клятвенно сообщил (*въ в[ѣ]ре ѡрокль*): “Не позволяйте Савве хотя бы одного песка с них брать, я сам в ответе за это”.

Дело, однако, на этом не кончилось. Затем пришли смерды (т. е. плательщики дани, как это следует из летописной терминологии цитированного выше рассказа 1194 г.), приняли мужа от Андрея, и “люди” (т. е. сборщики дани Андреева мужа) брали дани в его пользу. Восемь человек из отряда Тудора *высагли* — выскочили, сумели уйти. Не лишним будет указать, что в грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г. в связи с северными даями дважды фигурирует некий Тудор: *на Тудоровѣ погостѣ два сорочька, у Тудора сорочекѣ* (Др.-р. княж. уставы, с. 148).

Текст оборотной стороны письма вносит определенную ясность в статус не подчинившихся Савве плательщиков дани. Савва напоминает: “А сельчанам своим князь сам дал участки от Волока и от Мсты”. Иными словами, речь идет о княжеских поселенцах, колонизирующих северные владения Новгорода, а не об аборигенном населении тамошних мест.

Описанная в письме Саввы ситуация типична для середины XII — начала XIII вв., когда северные дани были предметом спора между Новгородом и Суздальем. В 1149 г. новгородские данники отправились в поход “в мале”; узнав об их малочисленности, князь Юрий Владимирович Долгорукий послал против них князя Берладского с воинами. В 1169 г., когда Даныслав Лазутинич с новгородской дружиной пошел за Волок данником, присла *Андрѣи пълкъ свои на нь, и бишася с ними, и бѣше новгородѣць 400, а суждальць 7000; и пособи Богъ новгородцемь, и паде их 300 и 1000, а новгородѣць 15 муж; и отступиша новгородѣци, и опять воротивъшися, възвзяша всю дань, а на суждальскихъ смърдѣхъ другую*, что, как известно, послужило прелюдией к знаменитой битве новгородцев с суздальцами в 1170 г. В 1219 г. *поиде тоя зимы Съмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары, и не пусти их Гюрги, ни Ярослав сквозѣ свою землю* (НПЛ, с. 28, 33, 59, 215, 221, 260).

Рассматривая эту грамоту как свидетельство одного из эпизодов новгородско-суздальского конфликта из-за северных даней, мы под “мужем Андрея” можем понимать только сборщика дани в пользу суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского, убитого в 1174 г. Если документ датируется временем ранее 1174 г., то имеется возможность идентифицировать и упомянутого в письме Саввы Захарию, который, как мы видели, обладал правом распоряжаться данями и данниками. Так звали новгородского посадника, избранного в 1161 г. и убитого в 1167 г. (НПЛ, с. 31–32, 218–220), что позволяет датировать грамоту № 724 60-ми гг. XII в. Имеется, однако, возможность еще более конкретизировать эту дату. В рассказе Лаврентьевской летописи о событиях конца 1166 г. сообщается: *Тое же зимы иде Мстиславъ за Волокъ* (ПСРЛ, т. 1, стб. 353). Речь идет о походе в область взаимных интересов Новгорода и Суздаля сына Андрея Боголюбского Мстислава Андреевича, который и идентифицируется с “мужем Андрея” грамоты № 724. Это дает основание датировать ее зимними месяцами 1166/67 г.

Небезынтересным оказывается место находки грамоты № 724, посланной Саввой своей “братье и дружине”. Адресаты письма находились на Прусской улице, одна из усадеб которой и исследовалась в Михаилоархангельском раскопе. Между тем расправа с посадником Захарией в 1167 г. принесла посадничество прусскому боярину Якуну, тогда как Захария потерял жизнь, поддержав изгоняемого князя Святослава Ростиславича, который вступил в политический союз с Андреем Боголюбским. Письмо Саввы, направленное и против Захарии, и против князя Андрея, обнаружено именно там, где в Новгороде пребывали их главные противники.

В 1169 г. новое столкновение за Волоком, вызванное той же причиной, привело к настоящей войне, которая завершилась 25 февраля 1170 г. победой новгородцев над осадившими Новгород войсками суздальской коалиции. Свою победу новгородцы приписали чуду от иконы “Знамение Богоматери”, ставшей главным палладиумом Новгорода. Грамота № 724 ввела нас в неизвестные прежде подробности, освещающие начальную стадию этого исторического конфликта, и разъяснила причины новгородского политического переворота 1167 г.

С точки зрения языка интересно прежде всего то, что основной текст грамоты и приписка на обороте написаны не совсем одинаково. В основном тексте автор явно ориентируется на книжную графическую систему; устранены также почти все диалектные особенности; довольно последовательно отражено падение и проявление редуцированных. Напротив, приписка на обороте обнаруживает большое число не книжных орфограмм и диалектных форм; почти все редуцированные на письме сохранены. Это говорит о том, что приписка была добавлена к основному тексту не сразу, а в какой-то другой момент и автор был настроен при этом на более свободный, менее формальный стиль записи.

Формула *братья и дружина* — та же, что в Слове о полку Игореве: *и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцезъ бы потяту быти, неже полонену быти*.

Важно выражение *уречи въ вѣрѣ* ‘заявить под клятвой (клятвенно)’. Та же формула *въ вѣрѣ* ‘под клятвой’ представлена в берестяных грамотах № 579 (2 пол. XIV в.) и 154 (1 пол. XV в.). По-видимому, *вѣра* в значении ‘клятва’ является исторической преемницей роты, т. е. ее христианизированной формой.

Для не засвидетельствованного в др.-р. источниках слова *выслагнути* можно предполагать значение ‘выйти за пределы’, ср. верхнелужицк. *wusahnuć* ‘выступить (за край)’, ‘выдаться’, польск. *wysięgnąć* ‘то же’. Но, по-видимому, не исключено и другое понимание: ‘выйти из повиновения’, ‘сложить с себя присягу’ (см. об этом ДНД, с. 299).

Слово *сельчанинъ* ‘житель села’ неоднократно встречается в актах, причем часто именно в сочетании типа ‘сельчане такого-то князя’ (т. е. жители принадлежащих ему сел), например: *Имати имъ тамга и церковная пошлина и пятно с великого князя селчанъ и съ великіе княгини селчанъ* (таможенная грамота 1497 г., см. Срезн., III, с. 331).

Не засвидетельствованное в др.-р. источниках слово *довѣдка* (если оно правильно прочитано в настоящей грамоте) означает ‘дознание’; ср. у Даля: *довѣдка* — действие по глаголу *довѣдывать* ‘допытывать, дознавать, доходить до истины’.